

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

В один из ужасающих дней в конце декабря 1941 года умирающий от голода дядя Шура позвал меня прийти к нему в последний раз. Собравшись с остатками сил и прихватив кусочек сала объёмом в 3 куб. см (выменянный у спекулянтов на золотое колечко, подаренное мне когда-то бабушкой), я поползла к умирающему, благо, жила от них близёхонько. Застала я своего двоюродного деда без сознания, а ослабшую жену его исходящей в слезах. Втолкнув в запавший рот гибнущего человека принесённый кусочек сала, мы привели его в чувство: приоткрыв глаза, он поблагодарил свою внучатую племянницу за то, что пришла, благословил и снова впал в беспамятство. Через 2-3 дня я в одиночестве, поскольку ни Лёля, ни другие родственники практически уже не передвигались, отвезла на детских саночках завернутое в простыню иссохшее тельце умершего Александра Георгиевича на Звенигородскую улицу, где в бывших казармах складами штабелями усопших.

Продолжаю из «карандашных страниц» дневника:

«1 февраля – больна, температура 39°, вдребезги простужена, боюсь воспаления лёгких. Прогрела, простояв 10 часов, конечно, с перерывами, на 20-градусном морозе за единственным нашим питанием – хлебом на всю семью. Из-за слабости населения и отсутствия транспорта большие затруднения с его доставкой, поэтому произошёл перебой с хлебом. По возвращении домой стало совсем дурно, так что кто-то из родных влил мне в рот пузырёк одеколону».

Тощотворный вкус жидкости помню до сих пор, но это было спасением... Вылезти же из жестокой этой простуды помогла, да благословит её Бог, Муся, поставившая мне банки. Третьим, спасшим меня от неминуемой гибели, человеком стал младший сын нашего соседа профессора Порай-Кошица, Миша (*Порай-Кошиц Михаил Александрович (1918 г.р.), кристаллохимик, член-корреспондент АН СССР (1974)*). Учась тоже в ЛПИ на старшем курсе, он по моим студенческому билету и паспорту сумел, пока я валялась в жару, получить в институте и на меня продуктовые карточки на февраль, да ещё выкупить по дороге хлеб по ним за два дня и принести к нам.

В конце 1970-х годов узнала из газет, что Миша работает в московском институте силикатной промышленности, став членом-корреспондентом АН.

Попутно припомнилось, как в один из предыдущих месяцев, выйдя со студентом нашего факультета Антиповым Мишей, жившем в том же районе, за получением карточек в ЛПИ рано утром, мы вернулись только к вечеру. На этом гигантском расстоянии мы, ко всему прочему, два раза угодили под обстрел, отсиживаясь в подворотнях.

«12 февраля 1942 года. Почти в бессознательном состоянии выезжаю из Ленинграда. Господь сжалился и внял моим мольбам.

Описать, каким образом это удалось, – нет сил. Однако скажу – какая-то странная и до безумия счастливая случайность.

Доеду или погибну?!».

Между тем, глядя теперь из дали многих лет, видишь, что дело обстояло достаточно просто. Как известно, 18 января 42-го года наши войска ценою огромных потерь прорвали блокаду города. Вскоре начала функционировать так называемая «дорога жизни», связавшая осаждённый Ленинград с «большой землёй», по которой в одну сторону вывозили полумёртвых ленинградцев, а в другую потянулись составы с продовольствием. Кстати, в числе первых поступлений был выделен паёк (крупка, сахар, консервы) Михаилу Георгиевичу, наряду с другими, кажется, четырьмя профессорами, оставшимися в блокаде. К этому времени стал готовиться к эвакуации и Ленинградский Текстильный институт, в котором работал Виктор Фаворитов. Зайдя к нам, он сообщил, что получил в институте два «эвако-листа» – на себя и на свою сестру, Мусю. Разыгралась драма: Гоша со слезами умолял свою молодую жену не покидать его, уверяя, что жизнь в городе начинает налаживаться, а блокада будет скоро снята. Психологическое воздействие оказали и только что полученные продукты. Одним словом, Муся согласилась остаться. Тогда я предложила Виктору не сдавать эту «путёвку в жизнь» обратно в институт, а передать её мне, благо у нас с Мусей фамилии и возраст совпадают. Тем более, что на вокзале царилась большая сумятица.

И мы с Виктором, вернее, наши тени, начали собираться в неизвестную страшную дорогу. Мороз, помню, на беду ленинградцев стоял страшный – под 30°. У Виктора имелись валенки, а меня выручил Павлик,

который, будучи мобилизованным военным врачом, притащил мне огромного размера мужские валенки, спасшие от заведомого обморожения мои ноги. На голове моей сидела невесть откуда взявшаяся потёртая меховая, опять же мужская, шапка-ушанка, а под своё старенькое зимнее пальто я напялила друг на друга все имевшиеся шерстяные и простые дофты, что позволяло донельзя отоцавшее тело. В полувменяемом, вызванном дистрофией, состоянии, я соорудила из холщовой укладки для вещей, привезённой ещё из родительской московской квартиры, нечто вроде мешка, закинула в него своё, тоже московское, одеяло и некоторые дорогие для меня или нужные предметы, как, например, используемый теперь дневник, и перевязала всё это ремнями и верёвкой с длинным хвостом, позволявшим волочить тую за собой. То же примерно проделал и Виктор. А затем, как следует из дневника, 12 февраля 1942 года мы под взглядами наших родных, выражавшими страх и сомнения, отбыли на Финляндский вокзал. Вначале воспользовавшись санками, мы их вскоре бросили, перейдя на волок, потому что на ухабах и рытвинах заснеженных улиц наш «транспорт» опрокидывался или с него сваливалась поклажа. Так же поступали и другие «призраки», бредшие в том же направлении.

На вокзале, куда мы часа через три еле доплелись, нас, после беглой формальной проверки документов, накормили горячей баландой и погрузили в состав. По только что специально проложенной железнодорожной ветке мы должны были через несколько часов прибыть на берег Ладожского озера, переправиться через него по льду на грузовиках на другую сторону до порта Кобона и далее следовать «товарняком» до Иваново.

Сразу выяснилось, что из-за бомбёжек и снежных заносов неизвестно, когда мы отправимся в путь. В результате горестное путешествие до Ладоги растянулось на трое суток и превратилось, как говорили, в «дорогу смерти», потому что в до предела набитых, холодных, дачного типа вагонах люди продолжали умирать. Перед отъездом и Виктор, и я сумели, не помню где и как, испечь себе по несколько лепёшек из неизвестно откуда взявшейся дурацкой, плюс отоваренный за 3 дня хлеб – это и взяли мы в дорогу. Виктор со своими «запасами» разделался очень быстро и стал претендовать на мои лепёшки, а я, совершая грех, уделяла ему мизерные кусочки или совсем отказывала. Запомнились из того ада ещё несколько острых моментов. Так, на второй день продвижения поезда к Ладоге, во время нашего непрерывного стояния в плотно спрессованной куче людей в проходах и между лавками вагона, я вдруг услышала от женщины, накрепко, влоборота прижатой ко мне, шелест слов (на нормального звука речь у умирающих людей сил не хватало): «у Вас по рукаву ползут вши...» И в самом деле, на фоне моего чёрного пальто, на правом рукаве резко выделялись ползущие цепочкой отвратительные светлые насекомые. С омерзением стряхнув их с себя, я стала искать источник их распространения, поскольку через минуту всё повторилось. Соседи заметили стоявшую рядом девушку, светлое пальто которой буквально кишело вшами. По-видимому, она погибала, и насекомые на неё нажились. Попытка протолкнуть умирающей между зубов кусочек хлеба ни к чему не привела – закатила глаза, она медленно сползла на пол. Тогда послышались голоса, предлагавшие вынести её из вагона на перрон, как поступали со всеми, отдавшими Богу душу. Некоторые, в том числе и я, пытались возразить, желая оставить девушку пока хоть в тамбуре, но двое мужчин поздравнее подняли её и, вынеся из вагона, положили на платформу. Склонившись над ней с одной из женщин, мы увидели, что глаза несчастной реагируют на зажжённую спичку – она была ещё жива...

В вагонах из-за тесноты была невероятная спёртость воздуха, а из-за жгучего мороза проветривание было затруднено. И тут некий мужичок поведал, особо глядя на нас с Виктором, что на предыдущей стоянке, он, якобы, пройдя вдоль поезда, узрел, что в хвостовых вагонах гораздо свободнее. На очередной длительной остановке состава нам, находившимся довольно близко от двери и выползавшим иногда в тамбур вдохнуть воздуха, настойчиво стали советовать проверить эту гипотезу и если так – остаться в другом вагоне. Мы сдуру поддались уговорам, но скоро поняли, что мы обмануты – остальные вагоны оказались точно такими же до отказа напихиваемыми и намертво закупоренными. К счастью, за нами были прицеплены всего три вагона, так что мы кое-как притащились обратно. Велик же был наш ужас, когда в вагоне обнаружили запертую дверь из тамбура, а на слабый наш стук в неё не последовало никакой реакции. Мне подумалось, что мы погибнем.

Но затем приоткрылась щель в двери, послышались чьи-то увещевания, в это время тронулся поезд и нас пустили в вагон.

Следующий эпизод – меня казнящий и требующий покаяния. Но сначала о том, как мы, добравшись до озера, грузились в машины. К сгрудившимся на берегу толпами промерзшим, еле шевелящимся блокадникам непрерывно, хоть и с интервалами, подъезжали грузовики, причём вокруг слышались зычные окрики шофёров и солдатиков, помогавших подсаживать «доходяг» в машины: «быстрее... скорей... пока не бомбят немцы... а то все уйдём под лёд!..» Дошла очередь и до нас. Свои невеликие тучки через казавшиеся высокими борта машины мы перебераться смогли, а вот самим забраться туда казалось делом безнадёжным. Шофёры, подъехав, естественно, двигателей не отключали, поэтому казалось, что грузовик сейчас рванёт с места. Наконец Виктору удалось перевалиться через борт, и он тянул оттуда мне руку, но подтащить меня у него сил, конечно, не хватило, и я, пребывая в каком-то полусонном отрешённом состоянии, осознала, что мне тут карачун. И вдруг, о чудо! Чьи-то руки высоко приподняли меня с земли и перемахнули через борт. В тот же миг машина взвыла и на большой скорости устремилась в чуть белевшее впереди во мраке пространство. На озере вдобавок к суровому морозу дул обжигающий ветер. Люди вповалку прижимались ко дну машины; вспомнив об одеяле и вытянув его из мешка, я укуталась в него с головой. Виктор попытался тоже под него забраться, но я не шевельнулась – разум мой ещё теплился, а совесть и доброта, видно, уснули. У Достоевского в «Бесах» священник говорит одному из героев, по-моему, Ставрогину: если хочешь покаяться, выйди и скажи о своём преступлении громко, перед народом.

Про себя казниться – это ещё не покаяние.

К счастью, этот смертельный перегон, насколько я помню, был кратковременным. Уже на том берегу мы с ужасом услышали, что две машины, следовавшие – одна перед нами, а другая позади нас, ушли под лёд, полав в полыньи, образовавшиеся после бомбёжки.

Далее начался наш десятисуточный не менее тяжёлый путь в товарных вагонах до Иваново. Помнится, мы почти не спали, сидя вокруг «буржук», установленных в центре вагонов, и подбрасывали чурки в них. Но главными событиями являлись станции, где состав простаивал по несколько часов, чтобы нас могли сводить на кормёжку. Пункты эти, к несчастью, располагались достаточно далеко, так что нам приходилось преодолевать многие рельсовые пути и даже лазить под поездами для сокращения расстояния. Виктор очень плохо себя чувствовал – давало знать его хроническое заболевание – туберкулёз, помимо дистрофии, и я, приобретя котелок с крышкой и вешая его с помощью верёвки на шею, носила ему его порцию. Кормили нас кашами, макаронами и супом. От супов Виктор отказывался в мою пользу, да и носить их было не в чем, а я ему уделяла к его порции «второго» от своей. Кроме того, на стоянках иногда удавалось выменять кое-какие носильные вещи на картошку. Мы её тут же пекли на железных листах печек и сразу съедали вместе с кожей, запивая кипятком.

К этому времени начались февральские вьюги и даже бураны, образовавшиеся на железнодорожных путях колоссальные заносы, но наш состав успел каким-то образом, добрая память машинистам, дойти до Иваново. Следующий же за нами поезд так подолгу застревал в открытом поле, где умирающих людей нечем было накормить и обогреть, что привёз на конечный пункт практически одни замёрзшие трупы.

И снова, две последние записи из куцых карандашных двух страниц дневника:

«22 февраля. Я в Иваново – жива, но в жутком состоянии, как и все. Неповторимые и незабываемые переживания. Немного погода опишу».

Позже я впрямь написала несколько отрывков, но, к сожалению, они потеряны.

«10 марта. Была неделю больна – невероятный понос, временами с кровью, желудок ничего не усваивает, температура, всё болит, голова в тумане. Из-за костлявости сидеть и лежать больно. Кормят нас здесь в так называемом «рационе»: много и вкусно (не сглазить бы), но не по нашим изболевшимся и суженым желудкам, отчего некоторые умирают. На улице смотрят с состраданием, а нервы у нас никуда – ходим и ревём».

Помню, меня принимали за 35-летнюю.

(Продолжение в следующем номере).